

УДК 94(47).08

*Е.Н. Вьяльцева**

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются отношения польских ссылных, водворенных в Самарской губернии во второй половине XIX века, с представителями власти различных уровней. Особое внимание уделяется взаимоотношениям ссылных с местными чиновниками, через которых осуществлялась связь водворенных поляков с вышестоящими властными структурами. Кроме того, именно на этом нижнем уровне большую роль играли личные отношения, которые порой оказывались выше буквы закона.

Ключевые слова: поляки, политическая ссылка, уголовная ссылка, местные чиновники, Самарская губерния.

Колоссальные масштабы ссылки участников польского восстания 1863–1864 гг. потребовали включения в число территорий, предназначенных для водворения политических преступников, новых губерний, в том числе и недавно образованной Самарской. В течение 1863 и 1864 годов к водворению на ее землях, в основном административным порядком, было назначено более 1700 уроженцев Западного края. Ссылка в Самарскую губернию, как в губернию европейской части Российской империи, считалась относительно легким наказанием, поэтому непосредственные участники восстания на самарские земли попадали редко. Самарская губерния относилась к числу многоземельных, а потому ссылались в нее, по преимуществу, люди, знакомые с крестьянским трудом, способные вести хозяйство. После начала процесса амнистирования участников восстания в Самару стали приезжать поляки, ранее отбывавшие наказание в Сибири. Параллельно с политической ссылкой в губернию ссылались и уголовные преступники. Но масштабы как уголовной ссылки поляков, так и переселения бывших сибирских ссылных были скромнее масштабов ссылки 1863–1864 гг.

На потерявших таким образом возможность самостоятельно выбирать место своего жительства польских переселенцев в их повседневной жизни законом налагалось множество ограничений. Оказавшись вдали от своего дома, не имея знакомых среди местных жителей, а зачастую и средств к существованию, они всецело зависели как от центральных органов власти, так и от местных, поэтому отношения с представителями власти занимали важное место в жизни ссылных.

Все ключевые решения, касающиеся каждого ссылного, имело право принимать только Министерство внутренних дел. Губернатор был связующим звеном между отдающими распоряжения центральными органами власти и исполняющими данные решения уездными исправниками и простыми полицейскими чинами. На него возлагался контроль за осуществлением гласного надзора в конкретной губернии [1, с. 45–46]. В уездах за обеспечение полицейского надзора отвечали исправники, а в губерн-

* © Вьяльцева Е.Н., 2014

Вьяльцева Елена Николаевна (ele43491@yandex.ru), аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ском городе – полицмейстер. Власть исправника распространялась на весь уезд. В его распоряжении был помощник, один или два полицейских надзирателя, а также несколько частных приставов в городе и несколько станowych приставов в уезде [2, с. 142]. В связи с массовым поступлением польских ссыльных штат полиции в уездах Самарской губернии был увеличен за счет командированных от местной команды внутренней стражи нижних чинов: по 6 человек в Новоузенске и Бузулуке, 5 человек в Бугуруслане и 4 человека в Бугульме [3, л. 26 об.].

После прибытия в Самару дальнейшая судьба ссыльных во многом зависела от Самарской палаты государственных имуществ, которая занималась водворением поляков на казенные земли. Эти земельные наделы и должны были стать источником средств к существованию для переселенцев. Чиновники Самарской палаты государственных имуществ подошли к своей миссии ответственно. В частности, палатую в департамент государственных имуществ было представлено несколько предложений по улучшению организации быта переселенцев. Часть из них касалась порядка наделения переселенцев землей. Например, предлагалось не разбивать участков на отдельные поля по принятому шестипольному хозяйству, предоставив самим переселенцам установить тот порядок хозяйства, какой они признают наиболее выгодным и полезным [4, л. 7 об.]. Также Палата государственных имуществ отмечала, что «присылаемые в Самарскую губернию западно-польские переселенцы не имели ни капиталов, ни рабочего скота, а иными словами, ничего, кроме носимого ими платья» [4, л. 7 об.], вследствие чего они не могли быть водворены без материального пособия, без которого они не могли «ни засеять данные им поля, ни устроить домов и прочего необходимого хозяйства» [4, л. 8]. Поэтому чиновники предлагали: 1) предоставить переселенцам льготы, обозначенные в уставе «О благоустройстве в казенных селениях»; 2) отпускать им из магазинов хлеб в установленном законом размере впредь до водворения на предназначенных им землях и до первого урожая; 3) предоставить им пособия деньгами и материалами; 4) выдавать им прогонные и кормовые деньги от г. Самары до места водворения [4, л. 8]. Палата государственных имуществ вменяла в обязанности волостному и сельскому начальству: «распределять переселенцев по квартирам по возможности удобно, отнюдь не раздробляя одного семейства по разным селениям и приглашая местных жителей к безвозмездному их прокормлению» [4, л. 10 об.]; «приискивать работы и занятия переселенцам для проживания у различных лиц в пределах Новоузенского уезда» [4, л. 10 об.], «озаботиться возможно лучшим по местным обстоятельствам устройством быта переселенцев, особенно тех семейств, кои состоят из одних женщин и детей» [4, л. 11]. Предполагалось, что местное население будет безвозмездно оказывать помощь в содержании переселенцев до того времени, когда они обзаведутся своим хозяйством, поэтому рекомендовалось расселять поляков в те местности, обыватели которых имели большой достаток [4, л. 11 об.].

Предложения чиновников Самарской палаты государственных имуществ демонстрируют их равнодушное отношение к судьбе польских ссыльных. Однако нет фактов, подтверждающих, что все они были реализованы на практике. И если ссуду на организацию хозяйства переселенцы получали [5, л. 21], то предположение о безвозмездной материальной помощи со стороны местного населения выглядит наивным.

Все решения, связанные с назначением пособия, разрешением отлучки с места ссылки или возвращения на родину, принимались Министерством внутренних дел. Отношение Министерства к основной массе сосланных в Самарскую губернию поляков были обезличенными, так как видные деятели национально-освободительного движения в Самару не попадали. Можно отметить лишь два исключения: Михал Лемпицкий, сосланный в Самару в 1861 г., еще до начала восстания, за письмо наместнику Царства Польского с предложениями насчет порядка управления Польшею

[6, с. 134–135] и граф Эдвард Чапский, для которого переезд в Самару из Иркутска в 1871 г. являлся смягчением наказания. Многие факты свидетельствуют об особом отношении представителей власти к Михалу Лемпицкому. Во-первых, размер пособия, получаемого Лемпицким от казны (50 рублей, из которых 30 выплачивала Самарская губерния, а 20 – Царство Польское [7, л. 7]), значительно превышал размер пособия других ссылных дворянского происхождения, сумма которого равнялась 6 рублям в месяц. Более того, когда он влез в долги из-за приостановки выплат 20 рублей, государство выдало ему единовременное пособие в размере 3234 рублей серебром для погашения кредитных обязательств [7, л. 171]. Следует также отметить покровительственное отношение к Лемпицкому со стороны наместника Царства Польского Ф.Ф. Берга, который по собственной инициативе интересовался в 1867 г. поведением Лемпицкого в ссылке и возможностями для возвращения его не родину [7, л. 26]. А позднее, по совету самарского губернатора Г.С. Аксакова, обратился в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить Лемпицкому избрать для проживания местность с более подходящим для его здоровья климатом [7, л. 33]. Граф Эдвард Чапский был приговорен к смертной казни, но благодаря личному вмешательству королевы Виктории Александр II заменил казнь на 12 лет каторжных работ с лишением всех прав [8, с. 239–257], но в то же время строго запретил кому-либо в его присутствии даже произносить фамилию этого ссылного [7, с. 316]. Однако в Самаре Чапский прожил лишь год, и каких-либо сведений о его отношениях с представителями власти не сохранилось.

В большинстве же случаев Министерство принимало решения на основании сведений, присланных губернатором. В свою очередь, губернатору эти сведения представлял либо уездный исправник, либо полицмейстер. Таким образом, полицмейстер, уездный исправник и полицейские надзиратели были теми должностными лицами, с которыми чаще всего контактировали ссылные. На этом уровне субъективные факторы имели уже гораздо большее значение, и личные отношения часто оказывались важнее законодательства. Регламентированная законом ссылка жизнь на местах претерпевала деформацию. Например, нехватка в уездных городах образованных кадров приводила к тому, что исправники вопреки установленным правилам принимали ссылных на государственную службу. Так, Адольф Дыбовский составлял описи архива полицейского управления города Новоузенска [9, л. 3; 11], Болеслав Трояновский занимался письмоводством при полицейском управлении города Бугульмы [10, л. 1; 14], а политический ссылный Тит Олтаржевский занимал в Новоузенске должности: бухгалтера в городской управе, бухгалтера в городском общественном банке, агента в 1-м российском страховом обществе и агента в банковской конторе «Печенкин и К^о» [11, л. 28–32]. Не всегда соблюдался и запрет на отлучки с места ссылки – так, один из ссылных жаловался, что «высланный за принятие участия в польском мятеже, Валериан Пацкевич, записавшись в купцы, производит торговлю питиями из трактирного заведения и харчевни и, имея на руках у себя документы на купеческое звание, без всякого особого разрешения свободно разъезжает, куда ему заблагорассудится» [12, л. 48 об.].

Отношения ссылных с представителями местной власти могли складываться по-разному. Принимая во внимание хорошее поведение ссылного, его стесненность в средствах или проблемы со здоровьем, уездный исправник мог «замолвить за него словечко» перед губернатором, препровождая, например, прошение о назначении пособия [13, л. 12]. Да и при аттестации поведение большинства ссылных оценивалось как «хорошее» или «одобрительное».

Не обходилось и без конфликтов. Дыбовский был сослан на житье в Самарскую губернию из Калуги по уголовному делу [9, л. 2 об.]. Местом жительства ему был

назначен Новоузенский уезд, о котором Дыбовский впоследствии отзывался крайне негативно: «отдаленный уезд, пробуждающийся от отупения, дикости и напускной апатии киргизско-немецкой» [9, л. 25]. В одной из докладных записок самарскому губернатору Дыбовский заявил, что в силу каких-то непонятных для него причин он «подвергся от нового новоузенского исправника гонению и унижению, выводящих из пределов человеческого терпения» [9, л. 20]. «Со стороны исправника последовали обвинения меня в каком-то моем пикантстве перед особой надзирателя Самородова и угрозы заставить меня свято чтить всех чиновников новоузенской полиции, как штатных, так и вольнонаемных десятников, в виду будто бы какого-то величия и неограниченности власти полиции и чинов ее. Финалом же всего этого было взятие с меня подписки, которою я обязывался ежедневно являться в квартиру новоузенского полицейского надзирателя Самородова» [9, л. 21]. У уездного исправника Энглези была другая точка зрения на эти события: «Во все время проживания в г. Новоузенске Дыбовский, как я удостоверился из частных слухов и докладов полицейских чинов, занимался составлением кляузных прошений, вымогательством посредством обмана от простодушных лиц денег и впоследствии делал самовольные отлучки из города... с моей же стороны учрежден строгий надзор за Дыбовским, во-первых, потому что он ввиду моем дозволил себе пикироваться с полицейским надзирателем Самородовым и за слушание нижних чинов полиции бывшее посланных мною за ним по касающимся до него делам... Затем поручено мне было вашим превосходительством произвести дознание о сочинителе стихов про Самородова, сочинителем коих по дознанию оказался Дыбовский» [9, л. 22 об. – 23]. Более поздние обвинения исправника звучат еще серьезнее: «Дыбовский приобрел себе из местного населения людей подозрительного и двусмысленного поведения огромное число друзей, которых, сгруппировав около себя, действует на них согласно своих видов и интересов, так что почти нет воровства или какого-либо мошеннического дела, где бы ни проявлялось в тех или других вариантах влияние Дыбовского» [9, л. 32]. Интересен тот факт, что Губернское правление в данном конфликте нередко вставало на сторону Дыбовского.

Отношения с представителями власти занимали важное место в жизни ссыльных. Все решения, связанные с польскими переселенцами, могли приниматься лишь в Министерстве внутренних дел, но принимались они на основе информации, предоставленной местными чиновниками. На этом уровне большое значение приобретали личные отношения ссыльного с представителями местной власти, в результате чего регламентированная законом ссыльная жизнь претерпевала трансформацию. Отношения ссыльных с местными чиновниками могли складываться по-разному, но национальная принадлежность чаще всего не имела при этом решающего значения.

Библиографический список

1. Калинина Д.А. Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии на рубеже XIX–XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2009.
2. Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863–1864 гг. (по материалам Архангельской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004.
3. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 154. Д. 12
4. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 152. Д. 5.
5. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 166. Д. 33.
6. Письмо Лемпицкого Горчакову // Борисенко Ю. Михал Лемпицкий: «Примирения...» // Родина. 1994. № 12.
7. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 153. Д. 1.
8. Czapski E. Pamiktniki Sybiraka. L., 1964.
9. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 4307.

10. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 4315.
11. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 4318.
12. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 4132.
13. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 4122.

References

1. Kalinina D. *Povsednevnaia zhizn' politicheskikh ssyl'nykh v Viatskoi gubernii na rubezhe XIX–XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [Everyday life of the political exiled in the Vyatka province at the turn of the 19 and 20 centuries. Candidate's of Historical Sci. thesis]. Kirov, 2009. (in Russ.)
2. Kononova L.P. *Ssylka uchastnikov pol'skogo vosstaniia 1863–1864 gg. (po materialam Arkhangel'skoi gubernii): dis. ... kand. ist. nauk* [Exile of the participants of the Polish uprising of 1863-1864 (from the materials of the Arkhangelsk province): Candidate's of Historical Sci. thesis]. Arkhangelsk, 2004. (in Russ.)
3. CGASO. F. 3. Op. 154. D. 12.
4. CGASO. F. 3. Op. 152. D. 5.
5. CGASO. F. 3. Op. 166. D. 33.
6. The letter from Lempitskii to Gorchakov, in Borisenok Iu. Mikhal Lempitskii: «Primireniia...», *Rodina*, 1994, no. 12.
7. CGASO. F. 3. Op. 153. D. 1.
8. Czapski E. *Pamiktniki Sybiraka*. L., 1964.
9. CGASO. F. 1. Op. 8. D. 4307.
10. CGASO. F. 1. Op. 8. D. 4315.
11. CGASO. F. 1. Op. 8. D. 4318.
12. CGASO. F. 1. Op. 8. D. 4132.
13. CGASO. F. 1. Op. 8. D. 4122.

*E.N. Vialtceva**

EXILED POLES IN THE SAMARA PROVINCE: RELATIONS WITH AUTHORITIES

The article deals with relationship between the authorities and exiled Poles who had dwelt in the Samara province in the second half of the XIX century. Special focus was given to the relationship between exiles and local officials. Exiled Poles communicated with high standing government through local authorities. Moreover exactly on the lower level interpersonal relationship played a major role and sometimes became higher than the language of law.

Key words: Poles, political exile, criminal exile, local officials, Samara province.

* *Vialtceva Elena Nikolayevna* (ele43491@yandex.ru), the Dept. of Foreign History, International Relations and Records Management, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.